

Бронная Глобода

ЖУРНАЛ ХРАМА СВ. АП. И СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА НА БРОННОЙ

№ 71
март 2021

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВЫГУЛА

Читайте также в номере:

**ДЯДЯ СВЯТОГО АДМИРАЛА:
ПРП. ФЕОДОР САНАКСАРСКИЙ**

**«ОТЕЧНИК» СВТ. ИГНАТИЯ
(БРЯНЧАНИНОВА)**

**ПЕЧАЛЬНАЯ УСАДЬБА
(дом В.П. Разумовской на Маросейке)**

Ежемесячный журнал о жизни нашего прихода, о нашей стране и духовной жизни. Выпускается по благословию настоятеля храма

От редакции

На страницах нашего журнала вы найдете статьи, посвященные церковным праздникам месяца, истории Церкви. Мы стараемся осветить главные общецерковные и приходские новости, говоря об актуальном простым и понятным языком. В номерах публикуются периодические рубрики: «Церковь сегодня», «Умное чтение», «Актуальное интервью», «Записки путешественника», «Церковный календарь» и др. В каждом номере размещаются анонсы приходских мероприятий на ближайший месяц.

Наш сайт www.bogoslovnabronnoy.ru

Мы в соцсетях:

vk.com/inbogoslov

facebook.com/bogoslovnabronnoy

ok.ru/khramioa

Всех желающих поучаствовать в выпуске следующих номеров (стать авторами и пр.) просим направлять свои предложения и пожелания на электронный адрес редактора prire@yandex.ru или звонить по телефону: 8 (906) 083-76-36 (Анастасия Валерьевна Пискунова).

Просим не выбрасывать и не использовать для хозяйственных нужд старые, ненужные или испорченные номера, а по возможности сжечь или принести в храм, так как некоторые изображения, размещенные в журнале, носят священный характер.

Над выпуском № 71 (январь 2021 г) работали:

Автор идеи и редактор Вестника — ответственная за работу с молодежью Анастасия Пискунова.

Авторы статей/рубрик — Мария Апяри, Дмитрий Игумнов, Ольга Назарова, Анастасия Пискунова, .

Подбор иллюстраций — Антонина Андрюшина, Мария Апяри, Дмитрий Игумнов, Анастасия Пискунова.

Корректор — Елена Пустакина. В ряде статей сохранена авторская редакция.

В этом выпуске:

Церковный календарь

ДЯДЯ СВЯТОГО АДМИРАЛА: ПРП. ФЕОДОР САНАКСАРСКИЙ

4

Умное чтение

«ОТЕЧНИК» СВТ. ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)

6

Мир вокруг нас

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВЫГУЛА

8

Записки путешественника

ПЕЧАЛЬНАЯ УСАДЬБА
(дом В.П. Разумовской на Маросейке)

10

ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

ДЯДЯ СВЯТОГО АДМИРАЛА: ПРП. ФЕОДОР САНАКСАРСКИЙ

Санаксарский монастырь особняком стоит в ряду известных русских обителей. Основан он не так давно по историческим меркам – в XVII столетии, а возобновлён веком позже; расположен в стороне от центра русских земель – в Мордовии, а одним из самых известных его святых является мирянин – праведный Феодор Ушаков, адмирал флота Российского. А вот своим возрождением Санаксарская обитель обязана его дяде, которого так же, как и флотоводца, звали Феодором.

Род Ушаковых восходил ко временам Киевской Руси, однако древность рода не защитила Иоанна – так звали будущего подвижника в миру – от скорбей и даже гонений. Родился он в 1718 году. Как было принято в то время, молодого дворянина отправили служить в созданный Петром I Преображенский гвардейский полк. Вместе с другими гвардейцами Иоанн оказался в Петербурге среди соблазнов столичной жизни. Но трагическое событие – внезапная кончина одного из товарищей прямо на вечеринке – так повлияло на офицера, что он решился на монашеский подвиг. Кстати говоря, примерно в то же время после подобной смерти супруга на путь юродства встала блаженная Ксения Петербургская.

Особенностью жития преподобного является то, что он необычно рано взял на себя тяжёлые подвиги. Иоанн тайно бежал к Архангельску, нашёл у Северной Двины пустынную келью и три года жил в ней отшельником. Царское правительство не жаловало пустынников, среди которых обреталось множество раскольников-староверов, да и в целом, в эпоху после Петра I религиозное подвижничество уже не вызывало большого почтения. Как-то раз, когда Иоанн пришёл в село, его связали, избили и собирались сдать в Архангельский острог, но напавшая на мучителей внезапная слабость избавила Иоанна от суда.

После этого Ушаков пытался поселиться в Площанской пустыни рядом с Брянском, но вызвал подозрения из-за отсутствия паспорта, а вскоре оказался в руках пришедшей «истреблять тайные жилища» сыскной команды. Ей он и признался, что является беглым гвардейцем, после чего его отправили в Петербург.

Житие отмечает, что внезапное появление беглеца произвело впечатление, «ибо от великого воздержания был он сух, лицом бледен, во власяной одежде и ремнём подпоясан». Ушаков предстал перед императрицей Елизаветой, дочерью Петра Великого, и та объявила, что прощает ему побег и восстанавливает в прежнем чине. Но подвижник не принял открывшуюся возможность перечеркнуть свой опыт и смело ответил, что иной жизни не желает. Тогда Елизавета позволила ему официально принять монашество и пребывать в столичном Александро-Невском монастыре.

В иночестве Ушаков и получил имя Феодор. Вскоре у него проявился ещё один не характерный для молодого монаха (а было ему около тридцати лет) дар – учительство. К нему потянулись петербуржцы, жаждущие духовного наставления, и Феодор беседовал с ними, преподавая почерпнутые из сочинений свт. Иоанна Златоуста наставления. Сложившийся кружок учеников вызвал зависть других монахов и подозрения начальства, и лет через десять, после всяческих досаждений, Феодор отправился из Петербурга в Саровский монастырь, а оттуда – в приписанную к нему Санаксарскую пустынь.

Своё название эта обитель получила от озера Санаксар, что на местном языке значило «лежащее в болотистой низменности». Был монастырь в таком упадке, что даже один из его храмов разрушился. Феодор взялся за восстановление, в чём ему помогала братия числом до двадцати иноков, многие из которых также ранее были гвардейцами. Помимо них, Ушаков руководил женской обителью в Арзамасе.

Санаксарская жизнь при Феодоре была строгой и суровой. Братия ходила в лаптях и балахонах, богослужения совершались не при свечах, а при лучинах. Настоятель сам рубил дрова, топил печь, пёк хлеб. Тем не менее, под его руководством в монастыре появились два каменных храма. При закладке одного из них, во время молебна, откуда-то прилетел рой пчёл и опустился на месте будущего алтаря, являя собой Божье благословение. От этого роя в обители появились свои пчёлы и мёд.

Но преподобного ждало новое тяжёлое испытание. Воевода Неелов, когда-то сам просивший у старца духовного руководства, утомился его наставлениями, а после обличения за насилие над крестьянами сделал на святого донос, что тот называл его «грабителем». Такое обвинение было особо опасным на фоне как раз в то время – в 1773 году – начавшегося восстания Емельяна Пугачёва.

К этому добавились жалобы недовольных монастырским порядком. В мае 1774 года Святейший Синод лишил Феодора и настоятельства, и священства. Императрица Екатерина II велела «оного Феодора, лиша настоятельского и иеромонашеского звания, отослать яко человека беспокойного простым монахом в Соловецкий монастырь». Перед этим Ушаков писал арзамасским сёстрам, что «всё не без воли Божией совершилось, а мы не можем оной сопротивляться и не постигаем Божий о нас промысл; а более всего должно нам знать, что Божественные судьбы ведут нас к совершенному терпению, без коего нет нам спасения... Хотя мы и страдаем, но за всё благодарим вышнюю благодать Господню». Незадолго до ссылки Феодор навещал пребывавшего на покое свт. Тихона Задонского и слушал его святые наставления.

***«всё не без воли Божией
совершилось, а мы не можем оной
сопротивляться и не постигаем
Божий о нас промысл»***

Судя по сохранившимся свидетельствам, на Соловках преподобный оказался в крайне тяжких условиях. Его поместили в узкую келью, где он страдал от холода и печного угарного газа. Бывало, он угорал почти до смерти, и его оттирали снегом. С трудом, но ученики старца поддерживали связь со своим духовным отцом. Девять лет пришлось Феодору провести в Соловецкой обители, пока по ходатайству одного из бывших санаксарских послушников ему не позволили вернуться в свой монастырь.

Шёл уже 1783 год. За время отсутствия старца порядки в обители расстроились, а попытки их обличить и исправить вызвали новые доносы. Ему даже запрещалось беседовать с братией и мирянами. Но, слава Богу, новой серьёзной опалы удалось избежать. Здоровье Феодора было подорвано. Кончина его наступила 19 февраля 1791 года, в возрасте 73 лет. Погребли святого в монастыре, у северной стены построенного им соборного храма.

Как мы уже упомянули, родным племянником преподобного Феодора был святой праведный Феодор Ушаков, адмирал флота Российского. Его Житие утверждает, что «молитвенное их общение никогда не прерывалось», но, по-видимому, при жизни они едва ли встречались лично. Несомненно, что флотоводец знал о своём родиче-подвижнике, поскольку, уже будучи в отставке, поселился в деревне около Санаксарского монастыря. А после своей кончины в 1817 году адмирал был «погребён по желанию его в монастыре подле сродника его из дворян, первоначальника обители сия иеромонаха Феодора по фамилии Ушакова же».

Память преподобного Феодора Санаксарского празднуется Церковью в день кончины, 4 марта (19 февраля по ст.ст.; в високосные годы дата по новому стилю переносится на день раньше), в день обретения мощей – 4 мая (21 апреля) и в Соборе Ростово-Ярославских святых – 5 июня (23 мая).

Дмитрий Изумнов. (историк, аспирант ИФ МГУ, библиотекарь храма)

УМНОЕ ЧТЕНИЕ

«ОТЕЧНИК» СВТ. ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)

когда люди, ищущие совершенной евангельской жизни, покидали города, уходили в горы и пустыни, становясь отшельниками. Можно заметить, что эпоха монашества началась после того, как закончилась эпоха гонений, так что страдания христиан сменились «бескровным мученичеством» – отречением от мира и борьбой со страстями.

Постепенно монахи собирались в общины, появился устав. Самых уважаемых подвижников называли словом «Авва», то есть «Отец». Молодые монахи вверяли себя их духовному руководству. Слова отцов сохранялись, как и рассказы об их жизни и о чудесах, которые по их молитвам совершал Бог. Сборники таких историй и слов сохранялись и переписывались, расходились по разным странам, являя новым поколениям высоту жизни великих святых.

Уже почти в наше время, в XIX веке, святитель Игнатий (Брянчанинов) – знаменитый русский богослов – составил из древних рассказов свой «Отечник». Как писал он сам в предисловии, «статьи, из которых состоит моя книга, написаны в разные времена, по разным причинам, преимущественно по поводу возникавших аскетических вопросов в обществе иноков и боголюбивых мирян... признаю себя обязанным представить христианскому обществу отчёт по согляданию мною земли обетованной, точащей духовные дары и блага монашеской жизни». Эта «земля обетованная», по мысли свт. Игнатия, – древнее монашество, его святые наставники, чтение изречений которых «навевает на читателя – как из рая – из первых веков христианства благоухание святой простоты и истинного служения Богу».

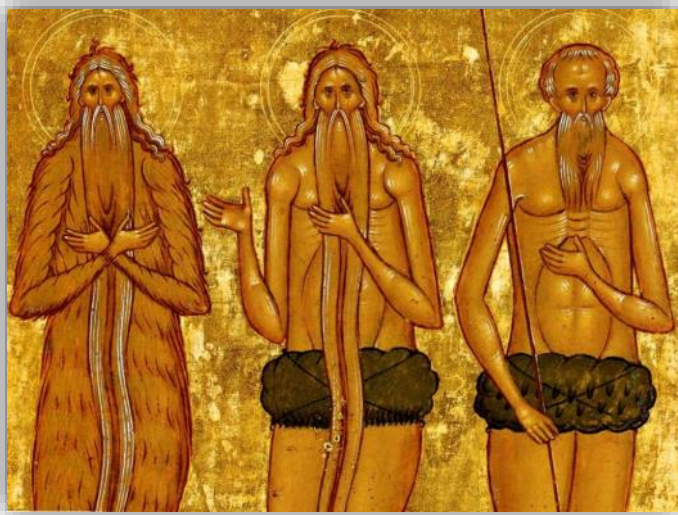
В Отечник вошли разные по величине тексты: и краткие изречения, и длинные истории. Они распределены по главам, названным именами святых, начиная с одного из основателей монашества – Антония Великого. Далее идут слова и рассказы об аввах Арсении Великом, Агафоне, Макарии Великом, Сисое Великом и других в алфавитном порядке. Иногда свт. Игнатий добавлял свои комментарии к текстам, поскольку «смирение отцов, нравственные правила и учения их не всегда ясны для незнакомых с духовной монашеской жизнью».

Что мы можем узнать, читая о древних подвижниках? Рассказы о них рассеивают некое «романтическое» видение пустынной жизни как беспечального места, населённого людьми, избавившимися от скорбей и болезней. Как можно видеть, монашеская жизнь была, в первую очередь, постоянной борьбой со своей греховностью. «Я препроводил четырнадцать лет в Скиту, моля Бога денно-нощно, чтоб Он даровал мне победить гнев» – признавался авва Аммон.

Последняя неделя перед Великим постом именуется в Церкви «Сырной седмицей», а в просторечье – Масленицей и ассоциируется зачастую с блинами, весельем и развлечениями. Но на самом деле этот период посвящён подготовке к Посту и сам частично является постным – уже нельзя есть мясо, но ещё разрешены молочные продукты. Потому эта неделя и называется «Сырной».

В субботу Сырной седмицы Церковь празднует память всех преподобных отцов, в подвиге просиявших. Так, перед началом Великого поста нам являют образ, как говорится в синаксаре (сборнике поучений), «всех преподобно поживших – иначе говоря, во многих болезнях и трудах – мужей и жён, надеясь утвердить нас воспоминанием о них и их борениях, дабы мы... укрепились на предлежащее поприще».

Монашество – это подвиг отвержения мирской жизни с её дозволенными благами. Монах, по слову прп. Иоанна Лествичника, «есть тот, кто, будучи облечён в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных», т.е. ангелов. История христианского монашества началась с первых веков после Рождества Христова,

Конечно, надо помнить, что «Отечник» – книга, написанная, в первую очередь, для монахов. Многие наставления древних отцов применять к себе мирянам невозможно и даже вредно.

Конечно, надо помнить, что «Отечник» – книга, написанная, в первую очередь, для монахов. Многие наставления древних отцов применять к себе мирянам невозможно и даже вредно. Сам свт. Игнатий даже предупреждал, что «непреренно нужно чтение, соответствующее образу жизни», иначе знание о добродетелях, которые нельзя совершить на деле, даст одну лишь мечтательность. Впрочем, несколько иное мнение высказывал прп. Макарий Оптинский: «советую Вам читать книги отеческие и не увлекаться в высоту парением, а, взирая к совершенству, тем больше познавать свою нищету и смиряться». То есть осознание своей немощи в сравнении со святыми полезно само по себе.

Хотя мы и отличаемся от святых отцов-пустынников образом жизни и нашими силами, но говорили они о добродетелях, касающихся всех христиан: смирении, покаянии, немногословии, боролись со знакомыми нам страстями, такими, как гнев или тщеславие. И будем помнить, что для них Евангелие стало не отвлечённой теорией, но самой жизнью, ради которой они и уходили в пустыню.

В этом году память всех преподобных отцов, в подвиге просиявших, приходится на 13 марта (28 февраля ст.ст.)

Святые пустынники до последнего часа считали себя грешниками, нуждающимися в покаянии. «Страх, ощущаемый мною в настоящий час, пребывал со мною с того времени, как я сделался монахом», – сказал перед смертью Арсений Великий. Так же и авва Исаия наставлял: «умоляю тебя, доколе находишься в теле, не оставляй ни на минуту сердца твоего без хранения... Подвижник не может оставить сердца своего нехранимым». Жизнь монаха – это умирание для греха и греховного мира, неусыпная подготовка к вечности, как видно из слов Антония Великого: «ежедневно умирай, чтоб жить вечно: потому что боящийся Бога жив будет во веки».

В то же время, подобный настрой не должен был приводить к унынию. Духовные чада аввы Аполлоса, напротив, «пребывали в таком веселии, какого никогда не можно видеть между прочими жителями земли. Этого веселия нельзя сравнить ни с каким земным веселием». Эта радость неотделима от покаяния и душеполезной печали, как говорил свт. Игнатий: «Святые Отцы называют такое состояние духа нашего радостопечалием... Слёзы, проливаемые из этого состояния, приносят сердцу неизреченное успокоение и утешение».

Отцы-пустынники обращали внимание в первую очередь на внутреннее, а не на внешнее. Благочестивые деяния принесут пользу только при верном духовном устроении, как учил авва Исаия: «Тщетны молитвы и подвиги человека, питающего в сердце злобу на ближнего и желание мщенья». Особые подвиги могут и повредить монаху, ввергнув его в тщеславие. «Ношение странной одежды, бросающейся всем в глаза, намерение проводить особенный род жизни... внушены были подвижнику высокоумием», – комментировал свт. Игнатий рассказ об авве Аммоне, который не одобрял подобных подвигов.

МИР ВОКРУГ НАС

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВЫГУЛА

когда он выезжает коня, ощущение такое, словно они на пару перепрыгнули через время и пространство из какой-то сказки, например, прямо из-под древней Бухары...

Конь, как я уже говорила, большущий. И на прочих животных производит неизгладимое впечатление. Причём, на всех разное. Козёл Веник, например, рвётся в бой. Он бы эту скотину безрогую... Ухххх, как бы!!!

Козы сначала испугались, а потом начали всем коллективом глазки коню строить, отчего он немного смущается и бочком-бочком убирается подальше. Впрочем, козы у Тани благовоспитанные и не навязываются.

Иное дело коровы. Их у Тани две. Ну, не совсем ещё две. Корова Зорька и её дочка – маленькая Марточка. Вот, может быть, была бы корова одна, и не так бы среагировала на такого странного зверя. Но Зорька с дочкой! Коней в жизни не видела, и вообще, жила до приезда к Тане в коровнике. Траву первый раз узрела именно на этом поле, удивилась страшно. Стоит, головой крутит.

И тут... Ясное дело, этот гигант не мог найти другого момента, чтобы увидеть корову с тёлочкой и пойти знакомиться! Явно не собирался он их пугать, обижать или как-то смущать. Просто любопытствовал.

– Ага! Он идёт, а Зорька колотится вся, ногами топает, Марту в сторону дома подпихивает. А конь-то, ну, ты же видела? У него копыта как моя голова! Я кричу тому парню, таджику, чтобы забрал коня-гу, а что ему тот хлипкий пацан? Он его на поводе и не заметил, – рассказывает мне Таня. – Так, чего-то волочится... Мелкое...

– Ой, Тань, вот сколько лет с тобой живу, а ты всё усложняешь и усложняешь... – фырчит снисходительно Иван. За его спиной стоит козёл Веня и насмешливо трусит бородой. Явно издевается! – Вот я сейчас возьму и выведу коров! Подумаешь... У меня мать всегда по две-три держала!

Татьяна насмешливо говорит вслед решительному мужу:

– Что наша бабушка коров держала, я в курсе, я только не знала, что ты к ним подходил!

Все подобные истории начинаются примерно одинаково: одному из супругов кажется, что другой занимается делом простым и совсем лёгким, а говорит о своей работе, как о чем-то очень сложно выполнимым. А вот он-то всё это сделает одной левой, с закрытыми глазами!

– Тань! А чего ты коров на поле не выводишь? – сосед Иван откровенно недоумевал. – Нет, в самом-то деле! Трава – хоть сам жуй, а у тебя коровы во дворе.

– Вань! Ты хоть что-нибудь слышишь, когда я говорю? – Татьяна разворачивается к супругу так, что козёл Веник, пытающийся перегрызть цепь, привязанную к его ошейнику, чуть ею не давится.

– Слышу! Только не всё! – честно признаётся Иван. – Потому как, Тань, я навоз чищу. От наших коров, заметь! А так, лежал бы он в поле, никому бы не мешал!

– Понятно! – обреченно говорит Татьяна и обращается уже ко мне. – Я ж ему пол-утра говорю, что там, на поле, опять этот конь-огонь!

И тут до меня доходит! Один из домов неподалёку купил человек с прозвищем «Коневод этот». Лошадей он любит, говорят и с боен выкупает, так что их у него несколько. Где-то там... А вот около нового дома построена конюшня для потрясающе красивого гнедого жеребца. Огромного! Я не знаю, какой он породы, но конь немислимо красивый. Ухаживает за ним молодой парень-таджик, и

Иван делает вид, что не слышит и пытается вывести Зорьку из ворот. Таня усаживается на крыльце, с наслаждением вздыхает и хлопает ладонью по месту рядом.

– Садись, полюбуемся! На это можно смотреть вечно. Ну, то есть, пока не надоест!

Корова с недоумением проходит пару шагов, осознает, что уже не дома и отступает. И делает это именно в тот момент, когда Иван облегченно решает,

что он справился!

– Ты, главное, на рога не напорись! – советует ему жена после третьей фигуры коровьего менуэта.

– Тань, отстань! Сам знаю! – Иван пытается покорить корову силой.

– Вань, в тебе восемьдесят килограмм? – интересуется Татьяна.

– Ну, да! – пыхтит Иван.

– А в корове – шестьсот! Вань, тебя ничего не смущает?

– Вот! Говорили мне! Не женись на язве! Но, я ж дурак был, не послушался! – жалуется утомлённый Иван корове. Та молча сочувствует, но не выходит.

– Ой, да возьми уже в ведре батон! – не выдерживает Таня.

С батонном дело идёт значительно веселее, и компания из гордого своими успехами Ивана, коровы Зорьки и телочки Марты дефилирует в сторону поля.

– Ну, хорошо! Пойду я! – я-то всего-навсего кабачки козам принесла, отдала, ну и пора бы... Чего людей от дела отвлекать. Но Таня машет рукой.

– погоди, не уходи. Они сейчас придут назад, – она прислушивается к удаляющемуся звону цепи Зорьки, потом к грозному мычанию, потом к сочному высказыванию эмоций Ивана и... к дробному топоту. – Ииии... Пять, четыре, три, два, один! Прибыли! Пошли встречать! Ой, ёшкин кот!

Возможно, это именно этот загадочный кот и был где-то поблизости от эпицентра событий. Не знаю, не знаю...

– Вань! Как тебе в голову-то пришло цепь не выпускать? – с сочувствием спрашивает Таня у Ивана, с трудом отколупывающего себя от земли и ещё какой-то странно знакомой и весьма ароматной субстанции.

– Вот! Вот ему лень было навоз во дворе убрать! Он мне рассказывал, что навозу на поле лучше! – Тане и мужа жалко, и смех душит. – Так зачем ты его на себе обратно приволок? А, чудовище?

Иван встаёт, ни на кого не глядя, проходит во двор и громко заявляет оттуда:

– А всё ты! Почему ты мне не сказала, что конь к коровам прётся? Какая нормальная корова это выдержит? Конечно, она рванула! И как назло, скакала именно по той дороге, по которой на поле шла!

Таня мрачнеет и жадно косится на Веника.

– Сейчас спущу! Вот просто аж руки чешутся!

Но Ивана она любит. И любит любого, ворчливого, вредного и самоуверенного, даже в навозе и с огрызком батона в руке. Машет полотенцем на воодушевившегося Веника и идёт отделять супруга от золота полей.

Через пару дней Иван мне популярно рассказывает, что на самом-то деле, идея выгула коров на поле очень вредная и в корне неправильная!

– Там оводы, сорняки вредные, кони всякие. И опять же... Навоз! Навоз-то пропадает! А так его продать можно! Понимать надо! Чего его на поле-то оставлять. А всё женщины... Придумала тоже... Коров выгуливать!

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ПЕЧАЛЬНАЯ УСАДЬБА (дом В.П. Разумовской на Маросейке)

Ожидание весны – необыкновенная пора. С каждым днём солнце всё ярче освещает землю, дарит тепло и надежду на скорое пробуждение жизни. В это время особенно приятно совершать неспешные прогулки по старинным улочкам Москвы. Все они по-своему уникальны. Колорит эпохи находит отражение в архитектуре. Особняки притягивают к себе взоры, вызывают в воображении различные истории из далекого прошлого.

Интересно, что красивый изящный дом у современников мог вызывать отнюдь не светлые ассоциации. Так произошло с особняком на Маросейке, принадлежавшим в свое время графине Варваре Петровне Разумовской. Это здание в стиле классицизма с красивой ротондой было частью обширного усадебного ансамбля. Судьба оказалась немилосердной к городской усадьбе XVIII века. Лишь главный особняк сохранился до наших дней. Стиль здания на Маросейке торжественный, парадный. Изящные колонны, балкон и полукруглая ротонда привлекают к себе внимание. С балкона открывался прекрасный вид. Это сейчас здесь оживленное движение, а несколько столетий назад особняк окнами выходил на Китайгородский ров, через который был перекинут красивый каменный мост. Словно корабль в тихой гавани стоял особняк около вод рва.

Когда-то на месте дома Разумовской располагался Покровский монастырь, что в Садах (так называли обитель, потому что в XV – XVI веках здесь цвели прекрасные царские сады и шла дорога в усадьбы Измайлово и Преображенское). От монастыря осталась приходская церковь Покрова Пресвятой Богородицы, которая впоследствии была разобрана. И тогда, в конце XVIII века, и был воздвигнут особняк княгини.

«Памятником нелюбви» называют эту городскую усадьбу. Именно здесь провела свои последние печальные годы Варвара Петровна Разумовская (урожденная Шереметева). Спустя десять лет несчастливой брака с Алексеем Кирилловичем Разумовским, попечителем Московского Университета и одним из создателей устава Царскосельского лицея, она вынуждена была по настоянию мужа покинуть семью и любимых детей, уединившись в доме на Маросейке. Несмотря на величие апартаментов, множество слуг и людей, которым княгиня оказывала помощь, она была очень одинока в своем «замке». Тоска по детям и несбывшемуся счастью стала рефреном всей жизни графини.

Во время отечественной войны 1812 года дом Разумовской, в отличие от множества других домов и усадеб Москвы, практически не был поврежден. В нем была расположена резиденция французского маршала Мортье, что и спасло его от разорения и пожара.

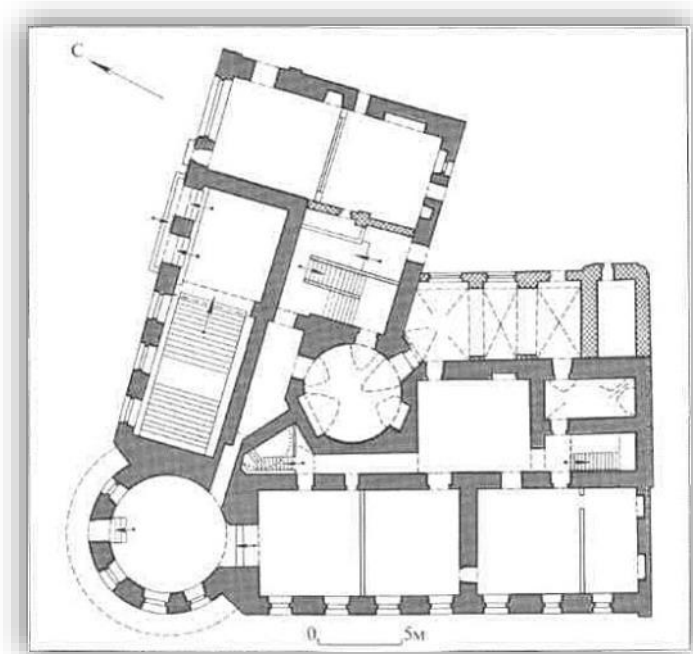
В XIX веке, после кончины Варвары Петровны, усадьба сменила нескольких владельцев. А в начале XX века в ее стенах был открыт трактир. После революции в здании располагались общежития, в 70-е же годы особняк стал вестибюлем метро «Китай-город».

Есть что-то печальное в судьбе этого уголка Москвы. На смену прекрасным цветущим садам и Покровскому монастырю пришла пора усадьбы, ставшей местом изгнания, символом краха любви и надежд...

Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи,
Ты, меня любивший – дальше
Некуда! – За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. – Десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах...

(М. Цветаева)

*Мария Аняри. (филолог, выпускница ФФ МГУ)
Фото Марии Аняри*

Желающих сделать пожертвования на уставную деятельность просим перечислять средства на расчетный счет 40703810038170100426 в ПАО Сбербанк г. Москва

БИК 044525225

кор. счет 30101810400000000225

ИНН 7710068768

КПП 770301001

ОКВЭД 94.91.

Назначение платежа: на уставную деятельность.